

RU

Предметная семантика устных изречений в религиозных гимнах Ригведы

Ледовских А. Ю.

Аннотация. Цель исследования – определить характерные особенности предметной семантики в словах, обозначающих устные сообщения, на материале древнеиндийских религиозных гимнов. В статье приводятся количественные результаты, демонстрирующие внеязыковые денотаты, участвующие в создании метафоризированной металексиксы – «слово», «речь», «голос», «песня», «восхваление», «гимн», «молитва», и выявляются семантические группы признаков телесных объектов: перемещение и нахождение в пространстве (23,8%), воздействие словом / на слово (21,2%), создание и преобразование (18,1%), объект (11,3%), животное (10,8%), водоем (6,2%), человек (2,5%), рождение (2,5%), битва (2%), соитие (0,5%), защита (0,5%). Научная новизна заключается в том, что впервые исследуется символическое представление устных изречений в корреляции с объектами внеязыковой действительности на архаичном материале устной традиции. В результате анализа Ригведы было установлено, что в поэтическом образовании предметной семантики лексем денотатами служат значимые объекты и явления культуры, и чем важнее социальное, ритуальное или непосредственно часто повторяемое физическое действие, тем разнообразнее средства лексического выражения в языке.

EN

Objective semantics of oral utterances in the religious hymns of the Rigveda

A. Y. Ledovskikh

Abstract. The aim of this research is to determine the characteristic features of objective semantics in words denoting oral messages, based on the material of ancient Indian religious hymns. The article presents quantitative results demonstrating the extralinguistic denotations involved in the creation of metaphorized metalexicon – "word," "speech," "voice," "song," "praise," "hymn," "prayer" – and identifies semantic groups of features of corporeal objects: movement and location in space (23.8%), influence by/on the word (21.2%), creation and transformation (18.1%), object (11.3%), animal (10.8%), body of water (6.2%), human (2.5%), birth (2.5%), battle (2%), coitus (0.5%), protection (0.5%). The scientific novelty lies in the fact that the symbolic representation of oral utterances in correlation with objects of extralinguistic reality is investigated for the first time on the archaic material of oral tradition. As a result of the analysis of the Rigveda, it was established that significant objects and phenomena of culture serve as denotations in the poetic formation of the objective semantics of lexemes, and the more important the social, ritual, or directly frequently repeated physical action, the more diverse the means of lexical expression in the language.

Введение

Актуальность темы данного исследования обусловлена стабильным интересом к сложному взаимодействию культуры, языка и мышления, особенно с точки зрения когнитивного, прагматического и этнокультурного направления лингвистической науки. Процессы номинации в ходе восприятия мира и создания о нем символических представлений вызывают особый интерес, поскольку современная наука видит язык как одно целое в совокупности с человеческой деятельностью. Актуальные исследования посвящаются большому количеству вопросов отдельных денотативных групп лексем, например, имен собственных (Харитончик, 2021; Кагазежева, 2020), глаголов (Сулейманова, Фомина, 2019; Лебедева, 2021), а также метаязыку лингвокультурологии и обыденной речи (Чанышева, 2019; Кравченко, 2022).

Направляя интерес на анализ человеческой деятельности и языка в целом, мы видим потребность изучить архаичный материал, который предоставляет богатый и вариативный ряд лексических средств, использованных

для наименования культурно значимых парадигм и явлений. Это реализуемо благодаря устной традиции, которая является одним из первичных инструментов закрепления таких вещей, и также сохраняет наиболее универсальные и существенные категории мировоззрения, поскольку таковые постоянно воспроизводятся и связываются с человеческой деятельностью. Обратившись к устной традиции индоевропейской культуры, представляется возможным изучить денотативную семантику слов устных высказываний, отсылающих к объектам внеязыковой действительности.

В бытовании человека встречается противопоставление предметной семантики и значений отвлеченного типа (абстрактные, событийные), которое непосредственно отражает саму структуру мира – в нем есть материальные объекты, поддающиеся восприятию чувствами (слух, зрение, обоняние и т. д.), а наравне с ними – знания и объекты нематериального характера, представленные в тексте различными языковыми значениями.

В рамках такого понимания мира значение слов предметного характера может служить указанием на конкретный предмет в конкретной ситуации, а может на понятие о всем классе данного предмета. Способность слов с предметным значением указывать на различные разнообразные качества и признаки служит основой изобразительности в тексте (Коньков, 1993, с. 22). Н. Д. Арутюнова называет такие слова именами естественных реалий, которые представляют собой «образ мира, в слове явленный» (1980, с. 184), и составляют основу образных средств языка – метафоры и фразеологизмы.

Метафоризированная предметная лексика в поэтическом тексте отклоняется в сторону символического представления предмета своего обозначения. В повседневной жизни слова с предметным значением указывают не только на соответствующий предмет, но и выделяют некую качественную сущность в отвлеченное понятие, например, лиса: хитрая лиса – хитрость лисы – лиса как символ хитрости (Коньков, 1993, с. 26). Все это демонстрирует глубокую семантическую мотивированность слов, связанных с предметами внеязыковой действительности.

Для изучения семантической структуры слова необходимо понять характер объектов обозначения – денотатов. Во-первых, денотат совмещается с логико-предметной частью значения и в его сферу входят не только физические конкретно-чувственные феномены, но и понятия о реально существующих связях и отношениях материального мира (Герасименко, 2008).

Как уже было отмечено ранее, выделяются два типа слов, которые ориентируются на номинацию разных сущностей в мире: идеальных или материальных (Кубрякова, Серебренников, 2012). Более подробно обратимся к классификации Н. Г. Комлева, который приводит две группы – объекты языкового характера и объекты внеязыковой деятельности. К первой группе относятся: а) металексика, слова-знаки, означающие языковые явления (слово, предложение, интонация, буква и т. д.); б) функциональная лексика, слова-знаки, означающие только языковые отношения (предлоги, союзы, местоимения и др.), денотатами этой группы являются языковые факты или отношения. Ко второй группе внеязыковых объектов относятся: а) телесные объекты, представляют собой бесспорные и очевидные эквиваленты некоторых слов-знаков; б) феноменальные объекты – некоторые свойства телесных объектов, их действия, качества и отношения (например, полет может характеризоваться скоростью км/ч); в) конструктивные объекты – несуществующие в природе фантастические элементы, сконструированные из фрагментов реальности, они образуют мысль, которая и служит объектом языкового обозначения (ведьма, кентавр, домовой) (Комлев, 2006, с. 84).

Следуя приведенной классификации, мы предлагаем рассмотреть смешение двух разных денотативных групп слов. Первая группа представлена исключительно внеязыковыми телесными объектами и действиями. Вторая группа представлена металексикой, а именно теми словами, которые обозначают любой формат устного высказывания в рамках религиозной ведической тематики – *голос, слово, речь, песня, молитва, гимн, восхваление*, причем их коннотативный ряд варьируется от нейтрального до возвышенного. Здесь возникает вопрос, относятся ли данные слова к металексике, ведь с метатекстом ассоциируется множество различных концепций, в большей степени направленных на исследование актов говорения в тексте. Неглагольная металексика (слово, имя, речь, название и др.) также способствует образованию такового, поскольку эти слова организуют редуцированные метатекстовые фрагменты, т. е. их семантика содержит сему *говорить*. Их можно назвать вербальными эксплицитными метатекстовыми элементами (Лосева, 2006).

Таким образом, связь этих двух групп слов сохраняется в переносе предметной семантики на непредметные явления (бросить камень – бросить слово). В анализе не учитывалось коннотативное содержание единиц и не исследовались добавочные элементы лексических значений, которые в основном являются оценочными и эмотивно-экспрессивными (Балхимбекова, 2020).

Длительные и серьезные человеческие отношения с культурными объектами, а также способность человека к абстрактному мышлению способствовало отражению культурной системы на всех уровнях языка. Материал дописьменного периода представляет наибольший интерес, поскольку у лексико-семантических групп существительных, которые обозначают предметы и явления человеческого обихода в период становления языковой традиции, очень богатая семантика в силу своей культурной обусловленности, а также они определенным образом прямо или косвенно связаны с денотатом. Это слова пространственной характеристики, явления и объекты неживой природы, растения, животные и простейшие элементы обихода, части человеческого тела (Красильникова, 2020, с. 364).

Для исследования указанной специфики мы использовали ономазиологический подход к определению принципов номинации, который рассматривает именно предметную направленность, т. е. соотношенность

с внеязыковым предметным рядом, другими словами, это процесс рефлексии над выбором знака (Кравченко, 2024, с. 75). При этом предметом наименования выступают не конкретные объекты действительности, а представления об этих объектах или явлениях (Уфимцева, Серебренников, 1977, с. 19). Более того, важно понимать, что в акте номинации участвуют лишь объекты, на которые направлена деятельность человека; сам акт номинации является речемыслительным актом, в протекании которого важную роль играет некоторое промежуточное звено: когнитивное, отражательное, концептуально-логическое или образное, но в целом именно деятельность (т. е. подтверждающее включенность данного объекта в жизнь человека) (Кубрякова, 1986, с. 37).

Для достижения поставленной цели исследования были определены следующие задачи:

- 1) отобрать методом сплошной выборки примеры с семантическими признаками предметов, действий и действий с предметами, символизирующих устные изречения (голос, речь, песня, слово, молитва, восхваление, гимн);
- 2) проанализировать контексты употребления отобранных единиц и выделить общие тематические мотивы по семантическим признакам;
- 3) определить доминантные группы денотатов представлений об объектах и действиях, характерные для древнеиндийской традиции.

Материалом для исследования послужила картотека из 193 единиц, полученных в ходе анализа Ригведы (Ṛgveda) методом сплошной выборки по заданным критериям (семантический признак действия/объекта и совпадающее грамматическое выражение). Для анализа использовался русский перевод:

- Елизаренкова Т. Я., Гринцер П. А. Ригведа. М.: Наука, 1999. Т. 1. Мандалы I-IV;
- Елизаренкова Т. Я., Гринцер П. А. Ригведа. М.: Наука, 1999. Т. 2. Мандалы V-VIII;
- Елизаренкова Т. Я., Гринцер П. А. Ригведа. М.: Наука, 1999. Т. 3. Мандалы IX-X.

А также привлекались англо-санскритские словари:

- Apte V. S. The practical Sanskrit-English dictionary: containing appendices on Sanskrit prosody and important literary and geographical names of ancient India. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1965;
- Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. New edition, reprinted. Oxford: Clarendon Press, 1963.

Теоретическую базу исследования составили работы в области семантики слов (Комлев, 2006; Коньков, 1993; Арутюнова, 1980), философии санскрита (Шохин, 2011), а также ономаσιологического подхода (Уфимцева, Серебренников, 1977; Кубрякова, 1986). Для обоснования исследования устных сообщений приводится понимание ритуальной коммуникации (Лотман, 1993; Якобсон, 1985; Сейранян, Василук, 2022).

Для описания и выявления характерных особенностей устных сообщений с предметной семантикой применялись следующие методы исследования: лингвистический анализ использовался для выявления контекстуального употребления языковых единиц, их значения и словарного толкования. Также применялись ономаσιологический подход для рассмотрения совокупности лексических единиц, соотносимых с определенными фрагментами внешнего мира, и количественный метод для выявления крупнейших тематических групп с одним семантическим признаком.

Практическая значимость исследования представляется в использовании результатов в курсах по индоевропеистике, сравнительной семантике и стилистике индоевропейских языков. Используемые методы семантического и прагматического исследования могут быть применены к анализу других лексических групп языковой деятельности и лечь в основу аналогичных исследований в культурах других языковых семей.

Обсуждение и результаты

Слова группы устных сообщений

Устная традиция, способствующая закреплению циркулирующих образов культуры в системе языка, и богатый мифологический материал индоевропейской культуры позволяют изучить приемы устности и функцию голоса как сложного лингвистического и философского единства.

Если мы говорим о семантике устных сообщений, то важно разобраться, что под ними подразумевается. В первую очередь обратимся к общепринятой лингвистической модели речевой коммуникации, в которой важнейшим элементом является функция языка в процессе формирования и передачи сообщения (Якобсон, 1985). Для успешной коммуникации необходимо наличие самого сообщения, говорящего, слушающего и канала связи.

В архаичном сознании в лице получателя сообщения могли выступать не только люди – члены одного общества, но и божественные силы, при этом характер коммуникации оставался успешным. Для общения с последними основным каналом связи служил ритуал (Лотман, 1993), который повторял различные значимые для общины события, а языковое выражение ритуала оформлялось сопровождающим его устным сообщением. Ритуальный дискурс являлся коммуникативным событием в строго регламентированной системе действий, направленных на создание символической реальности (Сейранян, Василук, 2022). Таким образом, устное (голосовое) сообщение – это то, что изначально бытует и реализуется только посредством произношения, обретая различные семантические признаки и символические образы, которые мы приведем далее в анализе Ригведы.

Ригведа относится к Ведам, представляющим собой древнейший литературный памятник индуизма. Считалось, что Веда заключают в себе знания, раскрытые высшим божеством Брахманой; они относятся к категории шрути (śruti), т. е. *услышанное, обнаруженное*. Это часть оппозиции «божественное – человеческое», где последнее является категорией смрити (smṛiti), т. е. *то, что является памятью человека* (Apte, 1965, p. 887).

Ригведа представляет собой сборник гимнов арийских племен, устно передаваемых на протяжении столетий в жреческих семьях (Елизаренкова, 1999, т. 1, с. 428).

Всего в анализе Ригведы было найдено 193 примера, в которых лексемы, обозначающие устные изречения, принимали семантику предмета или действия с предметом. С наивысшей частотой использования в таком контексте стали следующие слова (Таблица 1).

Таблица 1. Лексемы со значением устных сообщений

Gīr (35)	обращение, взывание, восхваление, песня, хвала (Маруты, в ведийской мифологии божества ветра, бури и грома, зовутся <i>sūpāvo gīrah</i> / сыновья хвалы)
Brahman (32)	букв. <i>рост, расширение, развитие</i> , в тексте Ригведы означает <i>благочестивое, благоговейное высказывание, священное слово, или слово божественное</i> , что, в свою очередь, противопоставляется <i>vāc</i> / слово человеческое
Dhī/dhīti (24)	благоговейная мысль, размышление, созерцание, служение, также <i>молитва</i> . В целом понимается как разум, мудрость, знание
Vāc (21)	<i>говорить, произносить, высказываться</i> и т. д., <i>речь, высказывание, голос, слово, пение</i> ; производные <i>vācas</i> / <i>речь, слово, голос</i> (15), <i>vacasyā</i> / <i>желание говорить, красноречие</i> (1)
Stoma (15)	<i>хвала, панегирик, распевание хвалебного гимна</i>
Mati (11)	<i>молитва, гимн, священное высказывание</i>
Suṣṭuti (6)	<i>хорошо сказанная молитва, гимн</i>

Примечание к Таблице 1: в скобках указана частота встречаемости; здесь и далее переводы лексических единиц даны по (Monier-Williams, 1963).

Таким образом, в выявленных словах сходятся семантические признаки устного высказывания, реализуемого в момент речи, ритуального восхваления, поэтического оформления высказывания, а также оппозиции между божественным и человеческим языками. Такой набор характерных признаков уже демонстрирует особенное положение устных ритуальных изречений в системе древнеиндийской культуры, которым присваивается функция реализации ритуала. Рассмотрим далее, какие контексты употребления встречаются с данными словами.

Контексты употребления лексем «слово», «речь», «песня», «молитва», «гимн», «хвала» в Ригведе

Для выполнения поставленных задач мы обратились к русскому переводу текста Ригведы Т. Я. Елизаренковой на наличие примеров, когда лексеме, обозначающей устное сообщение, приписывались одно или несколько из следующих значений: признак агента действия, признак инструмента для осуществления действия, признак или свойство физического предмета и т. д., то есть когда слова металекики (*молитва, речь, песня, хвала* и т. д.) имели контекстное значение действия с внеязыковыми объектами. Далее выделенные примеры проверялись на корректное совпадение перевода с оригинальной грамматической и семантической составляющей (если корреляция не находилась, пример не учитывался). Не исключено, что некоторый процент искомым примеров мог не учитываться в силу использованного перевода, однако достаточное количество найденных примеров (193) позволяет выявить определенную закономерность между семантическими признаками лексем и внеязыковыми денотатами.

Далее приведены группы семантических признаков слов и использованных грамматических единиц, также указана частота найденных примеров, чтобы продемонстрировать, какие доминирующие внеязыковые денотаты участвуют в образовании области референции для указанных металекем.

1. Семантический признак действия существа: перемещение в пространстве (46). К первой и самой крупной группе относятся слова телесной группы объектов, точнее – движений. Такие глаголы действия манифестируют одну из главных особенностей любого живого существа – двигательную функцию. К данной группе относятся только глаголы движения и перемещения в пространстве: **i** / *идти, уходить, возвращаться* (10), **srj** / *выпускать, стрелять* (7), **gam** / *идти, появляться* (5), **rch** / *привести в движение, послать* (5), **ir** / *идти, приводить в движение* (4), **hi** / *двигать, приводить в движение* (3), **gā** / *идти, входить* (2), **vah** / *перевозить, перемещать* (2), **sādh** / *вести, продвигать* (1), **bhṛ** / *нести, держать* (1), **cyu** / *прогонять, уходить* (1), **dhā** / *ставить, класть* (1), **akaram** (от корня *kr*) / *привести, пригнать* (1), **añc** / *крутить, поворачивать* (1). Контекст их использования меняет семантику устных изречений и добавляет признак живого физического существа.

Приведем некоторые примеры (здесь и далее все примеры из Ригведы даны в переводе Т. Я. Елизаренковой):

- **yanti** *dhitayo gāvo na* / *уходят мои молитвы, как коровы [по пастбищам]* (I, 25:16);
- **matir vacate** / *молитва пробирается* (I, 142:4);
- *pra viṣṇave śiṣam etu tanva* / *пусть к Вишну идет молитва* (I, 154:3);
- *stubho vanaḥ na yanti* / *стекаются хвалебные песни, словно потоки* (I, 190:7);
- *gīro tamācchāgur* / *направились мои хвалебные песни* (III, 42:3);
- *manīṣā agmann* / *эти поэтические порывы достигли [Индры и Варуна]* (IV, 41:9);
- **nakṣante** *gīrah* / *хвалебные песни приближаются* (VI, 45:28);
- *gīra stomāsa irate* / *приходят в движение эти песни и восхваления* (VIII, 43:1);
- *stomān ivākaram* / *пригнал восхваления [как пастух стадо]* (I, 114:9);
- *abhi vo devīm dhiyaṃ dadhidhvam* / *дословно ‘перед собой священные речи поставьте’* (VII, 34:9), то есть пустите перед собой, отправьте вперед песни.

1.1. Признак действия существа: нахождение в пространстве (2). Признак подразумевает отсутствие движения – неподвижное нахождение на одном месте: *vāso asthuh / поднялись речи* (V, 76:1), глагол *sthā / стоять неподвижно, подняться*; *rathakṣayāni brahma / слова находятся на колеснице* (VI, 35:1), глагол *kṣaya / находится*.

2. Семантический признак действия существа: воздействие (41). Вторая по многочисленности группа отражает веру архаичного сознания в возможность влиять на окружающий мир путем произнесения слова. Поэтому были выведены две подгруппы: к первой относятся примеры с семантикой воздействия непосредственно устным словом на другие предметы, явления и существа; ко второй относятся примеры с семантикой воздействия на само слово.

Первая подгруппа – «**воздействие словом**» – демонстрирует примеры, когда устное изречение становится инструментом в выполнении определенного действия или предметом, служащим для его выполнения. Слова, обозначающие устные изречения используются в творительном падеже и выражают способ совершения физического воздействия. В данных примерах прослеживается типичное для индоевропейской традиции представление о могуществе слова, способном влиять на реальность вокруг. Данное же представление лежит в основе магического и перформативного дискурса. Всего к данной подгруппе отнесено 35 примеров, в которых использовались следующие глаголы: *vrdh / укрепить, усилить* (5), *bhid / сломать, разрушить* (3), *mad / одурманить, опьянить* (3), *ruj / сломать, согнуть* (3), *bhṛ / нести, держать* (2), *vikṛ / изменить, сломать* (2), *bādḥ / обезоружить, остановить силой* (1), *do / разделить* (1), *han / убить, ранить* (1), *jan / рождаться* (1), *kr / создать* (1), *tṛc / ранить* (1), *naś / получить* (1), *nī / вести, приводить* (1), *pā / защитить* (1), *preray / двигать, продвигать* (1), *pruṣ / мочить* (1), *rabh / держать* (1), *ri / освободить* (1), *san / получать* (1), *stambh / делать неподвижным* (1), *utāpavaktā / изгоняющий словом* (1), *viṣ / освободить* (1), *vṛt / поворачивать* (1).

Приведем некоторые примеры:

- *adrim dṛlham nago vacasā daivyeṇa vrajaṃ gomantam uśijo vi vavruḥ / запертую скалу, удерживавшую (и) замыкавшую коров, крепкий загон, полный коров, мужи Ушиджи открыли с помощью божественной речи* (IV, 1:15);
- *tastambha mantrebhiḥ / он укрепил небо истинными священными словами* (I, 67:5);
- *dhībhīr astu sanitā / пусть он добывает (богатство своими) молитвами* (VIII, 19:9);
- *sadanaṃ dhiyā kṛtaṃ / сиденье, созданное молитвой* (IX, 71:6);
- *tarutrāvardhayaḥ dūm arkaiḥ / ты усилил небо высокими песнями* (II, 11:15);
- *gīrbhir ukthair yajñair vedyaṇa / который сумел с помощью песен, гимнов, жертв, со знанием тебя зажечь* (VI, 13:4).

Ко второй подгруппе – «**воздействие на слово**» – было отнесено 6 примеров, в которых находился признак физического воздействия на слово и использовались глаголы *vrdh / укрепить* (4), *jinv / помогать* (1), *tap / сжечь* (1):

- *giro vardhanty atrayo / люди из рода Атри усиливают хвалебные песни* (V, 39:5);
- *tapā śamsam / спали (злое) слово* (III, 18:2);
- *brahma jinvatam / укрепите священное слово* (VIII, 35:16).

3. Семантический признак действия: создание и преобразование (35). Центральным действием космогонического процесса является создание чего-либо, поэтому главным в данной группе выступает санскритский корень *kr / создавать* (14), благодаря чему устное сообщение наделяется созидательной силой. Данный корень понимается именно как действие, что видно, например, в производном *kriyā / действие, движение*, а также *rituальное действие, жертвоприношение*. Более того, среди множества значений у корня есть значение обработки, создания, образования, что отражается в причастии *samskrta / искусно сделанный* по отношению к языку санскрита, то есть высокого, искусного литературного языка, *сотворенного* грамматистами (Шохин, 2011).

Также данный признак выражается глаголами, которые обозначают ремесленные действия создания и обработки, что представляет значимую сторону культурной жизни древнеиндийской традиции и архаичного сознания в целом. Методы создания и преобразования объектов перекладываются на символическое представление об устных сообщениях, которые воспринимаются как полученный в процессе ремесленной деятельности результат. Используются глаголы: *taks / вытесывать, вырезать* (14), *añj / мазать, украшать* (2), *pu / очищать, обдувать* (2), *śriṣ / соединить, связать* (1), *ve / ткать* (1), *mṛj / начищать* (1), *dhā / ставить* (1):

- *gotama indra navuam atakṣad brahma / Готама выточил новую молитву* (I, 62:13);
- *atakṣam dhiyaṃ / я выточил поэтическое творение* (I, 109:1);
- *sutaṣam mantraṃ voceta / прекрасно выточенное произведение мы хотим ему произнести* (II, 35:2);
- *punanto vāsat akrata / создали речь, очищая (ее), [как муку через сито]* (X, 71:2);
- *dhiyo marjayanta / начищают молитву до блеска, как коня* (I, 61:2);
- *indrāyarkam / Индре соткали песню* (I, 161:8);
- *suman dhāyi tamta / мною сложена молитва* (I, 162:7); предлог *suman* и глагол *dhā* в данном примере имеют значение *складывать вместе части, ставить рядом*.

имеют значение *складывать вместе части, ставить рядом*.

4. Семантический признак предмета (22). Группа с таким признаком подразумевает, что устные изречения сравниваются с некоторыми объектами природного мира, а именно приобретают их характеристики или выступают в их роли.

4.1. Качественный признак предмета (12). В данную группу вошли примеры, демонстрирующие перенос качественных признаков предметов на устные изречения.

Признак предмета – сладкий (11). Денотатом данного признака служит общее представление о телесном объекте, имеющем сладкий вкус; для архаичной традиции таким объектом выступает натуральный

продукт – мед, который в индоевропейской культуре имеет особое значение (например, мед поэзии в древне-скандинавской традиции). Группа представлена существительными и прилагательными, придающим устным высказываниям физическую характеристику вкуса: **madhu(mat)** / медовый, сладкий (9), **svādu** / сладость, угощение (1), **svādman** / сладость, предпочтение (1):

- *avocāta rahūgaṇā agnaye madhumad vacaḥ* / мы, Рахуганы, произнесли для Агни медовую речь (I, 78:5);
- *madhumattamā gira stomāsa irate* / вверх воспаряют эти сладчайшие песни и восхваления (VIII, 3:15);
- *svādmānaṃ vācaḥ* / сладость речи (II, 21:6).

Признак предмета – яркий (1). Дополнительно была выявлена одна характеристика – ярко-белый, отражающий свет: *śucīreśasaṃ dhīyat* / светлоокрашенная молитва (букв. настолько белая, что блестит).

4.2. Украшения (4). Найденные примеры демонстрируют метафорическое сравнение устной речи с предметами украшения: первое слово **peśas** / украшение, вышивка (2) обозначает вышитое одеяние, украшающее человека, второе **rukma** / золотое украшение (1) – драгоценное золотое украшение, которое обычно носили на груди (в виде цепочки или бус). Также есть один пример глагола: **śubh** / украшать, делать блестящим (1):

- *śreṣṭhaṃ vaḥ peśo adhi dhāyi darśatam stoma vājā rbhavas taṃ jūjuṣāna* / лучшее украшение надето на вас, приятное для глаз, – восхваление, о Ваджи, Рибху (IV, 36:7);
- *gaviṣṭhiro namasā stomam agnau divīva rukman urguvañsam aśret* / Гавиштхир с поклоном прикрепил к Агни восхваление, как к небу – далеко простирающееся золотое украшение (V, 1:12);
- *ye agne candra te girah śumbhanty* / (те,) о яркий Агни, что украшают песни для тебя (V, 10:4).

4.3. Жир (2). В индуизме очищенный животный жир или масло (*ghṛta*) использовался в ритуалах жертвоприношения, его вливали в ритуальный огонь как преподношение богу огня Агни, упоминается в Ригведе как пища для Агни (Елизаренкова, 1999, т. 1, с. 731), т. е. здесь наблюдается перенос феноменального признака животного жира – его свойство горения.

- *prāgnaye brhate... ghṛtam na yajña āsye supūtam* / Я приношу Агни... молитву, словно жир, хорошо очищенный во время жертвоприношения (V, 12:1);
- *stomam abhiṣṭaye ghṛtam na rūtam* / это восхваление в поддержку (тебе), оно словно чистый жир (VIII, 12:4).

4.4. Дорога (2). Наименование данной категории неоднозначно, поскольку в нее вошли следующие примеры:

- *navyase viśvāvāra sūktāya pathaḥ kṛṇuhi* / как прежде, приготовь пути для новой прекрасно сказанной речи (IX, 91:5);
- *navīyase sūktāya sādhaḥ pathaḥ* / так выровняй же пути для каждого нового гимна! (IX, 9:8).

Как видно, имеется в виду дорога для устного изречения, однако остается непонятным характер передвижения. Тем не менее, можно говорить о физических свойствах, приписанных металексике.

4.5. Стрела (1). Найден единственный пример метафорического сравнения молитвы со стрелой в луке: *iṣur na dhanvan prati dhīyate matir* / как стрела в луке, нацеливается молитва (IX, 69:1).

4.6. Угощение (1). Под угощением подразумевается пища **bhṛti** / пропитание, еда: *brahmāṇi vṛtrahan purūta-māsaḥ puruhūta vajrivo bhṛtiṃ na pra bharaṃasi* / священные слова, о убийца Вритры, чаще всего, многопризываемый громовец, приносим тебе как подкрепление (VIII, 66:11).

5. Семантический признак существа: животное (21). Группа представлена словами, относящимися к обозначению и описанию священных индуистских животных (конь и корова). Оба животных имели сакральное значение для древнеиндийской культуры. Известен один из основополагающих ведийских ритуалов – *Ашвамедха*, или жертвоприношение коня. Коровы, в свою очередь, олицетворяли эпический мотив молочных рек, запертых под скалой змеем Вритрой и освобожденных героем Индрой после победоносной схватки – типичный индоевропейский космогонический миф.

5.1. Конь (13). Группа данного признака представлена одним глаголом **yuj** / запрягать (9), а также группой существительных (4), которые используются в сравнении речи с амуницией для лошади: **syūman** / вожжи, **aśva** / кони, **pratidhi** / поперечина на дышле колесницы, **kurīra** / головное украшение, **abhidhā** / упряжь:

- *yunajmi te brahmaṇā keśinā haṅi* / молитвой я запрягаю пару твоих гривастых буланых коней (I, 82:6);
- *brahmayujo vṛṣarathāso atyāḥ* / запрягаемые священным словом кони с мужественной колесницей (I, 177:2);
- *syūmanā vāca ud iyarti* / вожжами речи погоняет возница (I, 113:17);
- *stomā āsan pratidhayaḥ kurīraṃ chanda ośaḥ* / восхваления были поперечинами на дышле, метрическая речь – украшением на голове (и) прической (X, 85:8).

5.2. Корова (8). В данной группе находятся глаголы, которые в контексте обозначают действия именно этого животного: **rih** / лизать, ласкать (3), **dogha** / доить(ся) (1), **pyā** / налиться (молоком) (1), **vāś**, **nū** / реветь, мычать (о животных) (2), и одно существительное **vāśrā** / корова (1):

- *matayaḥ somarāt uruṃ rihanti śavasas patim indraṃ vatsaṃ na mātarah* – / молитвы лизут пьющего сому, широкого повелителя силы, Индру, словно (коровы-) матери – теленка (III, 41:5);
- *avāvasanta dhītau* / замычали молитвы (IX, 19:4);
- *ṇonuvur giraḥ* / зашумели хвалебные песни [словно коровы] (VI, 45:25);
- *vācaḥ duhre madhudogham* / речи... что доятся из этого вымени, струящего мед (VII, 101:1);
- *dhīḥ pīpāya* / людская поэтическая речь набухла для нас (молоком) (II, 2:9);
- *ura mā matir asthita vāśrā* / ко мне приблизилась молитва, как мычащая корова (X, 119:4).

6. Семантический признак действия и объекта: водоем (12). Данная группа представляет нередкое для индоевропейской традиции сравнение реки и речи, выражается глаголами со следующим значением: *ṛṣ* / *бежать, быстро течь* (2), *ajirāy* / *быстро двигаться* (1), а также существительными, использованными для сравнения речи с природной стихией воды и водоемами: *dhenā* / *поток, река* (2), *ap* / *божественные воды* (2), *arṇas* / *разлив, поток* (1), *avanī* / *поток* (1), *sarīt* / *поток, река* (1), *sindhu* / *воды, поток* (1), *ūrmī* / *волна, масса воды* (1):

- *ahrutā imā giro arṣanti* / *эти песни, неотклоняющиеся, одним путем текут* (IX, 34:6);
- *arām ūrmīr madann iva stoma indrājirāyate* / *словно веселая волна на воде, быстро движется восхваление, о Индра* (VIII, 14:10);
- *indrāya giro anīśitasargā arāḥ* / *для Индры я гоню хвалебные песни – воды, вытекающие непрерывным потоком* (X, 89:4).

7. Семантический признак существа: человек (5). Сравнение устного сообщения с человеком немногочисленно, используется всего две лексемы: *pretṛ* / *любовник, благодетель* (1) и *dūta* / *посланник, представитель* (1): *indrā yuvam varuṇā bhūtam asyā dhiyaḥ pretārā vṛṣabheva dhenoh* / *О, Индра и Варуна, станьте вы любовниками этой молитвы, словно два быка – у коровы!* (IV, 41:5); *pra ṛbhuhyo dūtam iva vācam iṣya* / *к Рибху я посылаю речь, словно вестника* (IV, 33:1).

Также были найдены 3 примера номинации с качественным признаком лица (*высокий* и *сильный*).

Признак лица – высокий (2). Прямое значение находится в примере *bṛhad vaco* / *высокая речь* (III, 10:5), поскольку у *bṛhat* также есть значение *высокий рост*. Второй пример: *yajño manro brahmodyatam vacaḥ* / *жертва, молитва, священное слово, речь встают к тебе* (X, 50:6). В переводе Т. Я. Елизаренковой *brahmodyatam* выступает как причастие с существительным *возвышенная речь*, т. е. букв. *речь, которая встала*.

Признак лица – сильный (1). Единственный пример *māhinā gīḥ* / *могучая речь* (3.7.5), где *māhinā* имеет значение *показывающий силу либо большой в размерах*.

8. Семантический признак действия: рождение (5). Группа представлена одним глаголом *jan* / *родиться, появиться на свет*: *janayan giraḥ somaḥ* / *красноватый Сома, порождая песни* (IX, 25:5); *yajñāt sarvahuta sarvahuta ṛcaḥ sātāni jajñire* / *из этой жертвы гимны и напевы родились, стихотворные размеры родились из нее, ритуальная форма из нее родилась* (X, 90:9).

9. Семантический признак действия: битва (4). Внеязыковое явление битвы может представляться множеством признаков, и найденные примеры демонстрируют некоторое семиотическое ослабление поединка, отраженное в образе устного состязания. Представляется группа одним глаголом: *sprdh* / *состязаться, биться* (3), а также одним существительным *vivāc* / *крик, спор, битва* (1): *manīṣāḥ pasprdhra* / *песни состязаются [за Индру]* (VI, 34:1); *spardhante dhiyaḥ* / *состязаются молитвы* (IX, 94:1); *samarya iṣa stavate vivāci* / *он прославляется на празднике жертвенного подкрепления, при словесном состязании* (I, 178:4).

10. Семантический признак действия: соединение, соитие (1). Единственный пример данной группы: *ipro matih ṛcyate* / *молитва соединяется (с Индрой)* (IX, 69:2); глагол *ṛc* / *наполнять, соединяться* в данном контексте подразумевает физический акт соития, соединения физических тел. Данный пример был вынесен отдельно от признаков «животное» и «человек».

11. Семантический признак действия: защищать (1). Последняя группа также представлена одним глаголом *uruṣy* / *охранять, защищать* в контексте охраны хвалебных песен в стенах крепости: *yā vā te santi dāśuṣe adhrṣṭā giro vā yābhir nṛvatīr uruṣyāḥ* / *(те) неодолимые (крепости), которые у тебя есть для почитающего (тебя), или которыми ты можешь охранить мужественные хвалебные песни* (VII, 3:8).

Итак, всего было выделено 11 групп лексем с различными семантическими признаками действия или лица, причем доминирующим символическим представлением устных изречений в образах культурных действий и объектов является устное воздействие на реальность. Данный образ типичен для мифологического сознания и встречается в большинстве других индоевропейских культур, и более того, является основополагающим принципом мироздания в иудео-христианской традиции.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Осуществленный методом сплошной выборки отбор 193 примеров с предметной семантикой, приписанных металемам – *молитва, голос, речь, песня, слово, восхваление, гимн*, позволил произвести систематизацию по основным лексическим признакам и выявить на этой основе ключевые внеязыковые объекты, которые участвуют в процессе лексической номинации при совмещении слов различных денотативных групп.

В ходе анализа контекстов употребления указанных слов было установлено, что только две крупные категории участвуют в представлении устных изречений – категория действия и категория объекта, первая из которых представлена значительно более широким спектром лексических выражений. Крупнейшие группы семантических признаков – 63,2% от общего количества примеров (всего 75,6% примеров выражены глаголами) – «Перемещение и нахождение в пространстве», «Воздействие словом / на слово», «Создание и преобразование» выражаются исключительно глаголами действия. Это позволяет нам говорить о том, что первичный признак живого существа, а именно сознательная двигательная активность, является и самым продуктивным семантическим признаком. Наряду с этим признаком важную роль играет устное воздействие

на мир и манифестация желаемого результата путем произношения регламентированных текстов (мантр) вслух. Более того, именно культурные действия обработки и ремесленного дела (вытесывать, ткать, плести, со-здавать) переносятся на абстрактные понятия устных изречений. Второстепенными становятся действия нери-туального характера – рождение, состязание, соитие и защита. Таким образом, обрисовывается некий трой-ственный характер образа человека, соединяющий изначально ему присущую физиологию действий, дарован-ную «божественную» силу слова и возвращенную им самостоятельно культурную обработку окружающего мира.

Чисто телесными объектами в ряду культурно-специфических реалий, которые используются для симво-лического выражения слов металексикой в древнеиндийских религиозных гимнах выступают главные са-кральные животные древнеиндийской культуры – конь и корова, а также предметы бытового и ритуального обихода – мед, вода (воды), украшение, жир, стрела, угощение.

Среди выявленных языковых единиц наблюдается преимущественно лексическое разнообразие в виде синонимичных слов одного крупного семантического поля; грамматическое разнообразие сводится к ролям подлежащего, сказуемого, либо прямого / косвенного дополнения.

В качестве перспектив дальнейшего исследования поставленной проблематики видится исследование других связанных денотативных групп слов с выявлением главных лексических признаков, взятых от вне-языковых денотатов, что даст возможность определить некоторые универсальные механизмы смыслообра-зования в совокупности с материальными объектами культуры.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований / ред.: Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. М., 1980.
2. Балхимбекова П. Ж. Денотативно-сигнификативный компонент семантики лексем // Русский язык в сла-вянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора К. А. Войловой (г. Москва, 27 февраля 2020). М.: Общество с ограниченной ответственностью «Диона», 2020.
3. Герасименко И. Е. Денотация и коннотация в структуре языкового знака // Известия высших учебных за-ведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 6.
4. Кагазежева К. А. Денотативная и коннотативная семантика имен собственных // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 65-4.
5. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. Изд-е 3-е, стер. М.: КомКнига, 2006.
6. Коньков В. И. Человек в мире предметной семантики // Гуманитарные науки: из опыта теоретической интерпретации: сборник научных трудов / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб.: Фантомы, 1993.
7. Кравченко М. А. Кроссворд как продукт метаязыковой деятельности носителей языка // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13. № 3.
8. Кравченко М. А. Скажем так: семантико-прагматический потенциал метаоператора (по данным нацио-нального корпуса русского языка) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы VIII Конгресса РОПРЯЛ (г. Красноярск, 10-14 сентября 2024 года). Красноярск, 2024.
9. Красильникова П. Ю. Соотношение коннотативного и денотативного компонентов в семантике некото-рых групп абстрактной лексики и в семантике лексем тематической группы зоонимов (на примере зоо-нима «корова») // Преподаватель XXI век. 2020. № 2. Ч. 2.
10. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / отв. ред. Б. А. Сереберенников. М.: Наука, 1986.
11. Кубрякова Е. С., Сереберенников Б. А. Номинативный аспект речевой деятельности / отв. ред. Б. А. Сере-беренников. Изд-е 4-е. М.: Общество с ограниченной ответственностью; Книжный дом «Либроком», 2012.
12. Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. Изд-е 3-е. М.: Ленанд, 2021.
13. Лосева С. В. Метатекстовые средства русского языка // Российский лингвистический ежегодник. 2006. № 1.
14. Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю. М. Избран-ные статьи: в 3 т. Таллин, 1993. Т. 3.
15. Сейранян М. Ю., Василюк К. Ю. Контекстные факторы реализации ритуального дискурса (на примере британской траурной речи) // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сбор-ник научных трудов / под ред. Е. А. Никулиной. М.: МПГУ, 2022. Вып. 20.
16. Сулейманова О. А., Фомина М. А. Вариативность когнитивной интерпретации формы бытия объекта: стоять, лежать, сидеть // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37.
17. Уфимцева А. А., Сереберенников Б. А. Языковая номинация: виды наименований. М.: Наука, 1977.
18. Харитончик З. А. Семантическая неопределенность имен собственных, или Что значит «Ты – настоящий Эйнштейн!» // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45).
19. Чанышева З. З. Культурная коннотация в метаязыке лингвокультурологии // Вестник Башкирского уни-верситета. 2019. Т. 24. № 1.
20. Шохин В. К. Античное понятие культуры и протокультурфилософия: специфика и компаративные парал-лели // Вопросы философии. 2011. № 3.
21. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

Информация об авторах | Author information

RU

Ледовских Антонина Юрьевна¹

¹ Новосибирский государственный технический университет;
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

EN

Antonina Yurevna Ledovskikh¹

¹ Novosibirsk State Technical University;
Novosibirsk State University

¹ a.ledvoskikh@g.nsu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.02.2025; опубликовано online (published online): 28.03.2025.

Ключевые слова (keywords): Ригведа; предметная семантика; устные сообщения; внеязыковой денотат; метафоризованная металексика; Rigveda; objective semantics; oral messages; extralinguistic denotation; metaphORIZED metalexicon.